

УДК 314.74

Китайские мигранты в монгольском мире: сравнительный анализ*

М. Н. Балдано

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

В. И. Дятлов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Представлен сравнительный анализ проблемы китайских мигрантов в монгольском мире в разные исторические периоды. Для монгольского мира, экономика которого определялась кочевым скотоводством, постоянные миграции были нормой. В XX в. границы стали ограничителем миграций, но на рубеже XX–XXI вв. трансграничные миграции стали стремительно расти. В разных частях монгольского мира эта проблема имеет свои формы и играет неодинаковую роль.

Ключевые слова: китайские мигранты, монгольский мир, чайнатаун, трансграничные мигранты, принимающее общество, риски, угрозы, ресурс.

Демографические, геополитические, политические, экономические, культурные перспективы всей Внутренней Азии в огромной степени зависят от миграционных процессов, их динамики и направленности. Особенно это касается такой важной части гигантского региона, как историко-культурное пространство, называемое монгольским миром. В силу целого комплекса исторических причин особую роль в нем играют китайские миграции.

Существуют различные понимания такого сложного феномена, как монгольский мир, есть и различные термины для его названия. Объективная трудность решения этой проблемы нередко усугубляется сопутствующими идеологическими и политическими коннотациями [2, с. 263–281]. По мнению авторов, это исторически сформировавшееся на огромных просторах Внутренней Азии монгольское историко-культурное пространство, объединяемое сходством или родством языка, многих культурных норм, общностью (или устойчивыми представлениями об общности) истории. Общими традициями, исторической памятью, мифологией. При этом феномен по определению разнородный и многообразный, изначально структурированный по родоплеменному признаку, разбросанный на огромной территории. Качественно новое измерение этому многообразию придало то, что в силу исторических обстоя-

* Публикация выполнена при поддержке проекта РГНФ № 15-01-00243а «Миграции и диаспоры в монгольском мире: стратегии и практики транскультурного взаимодействия».

тельств монгольское историко-культурное пространство было рассечено несколькими государственными границами. Это предопределило в XIX–XXI вв. исторически различные пути нациестроительства в рамках и контексте нескольких государств. Как результат – существование сейчас как минимум в рамках трех государств нескольких самостоятельных народов с собственными культурами, языками, историей, судьбой, историческими и культурными мифами. При этом сохраняется и воспроизводится представление о культурном родстве, общих культурных, исторически корнях, общая мифология, родство языков и культурных норм.

Монгольский мир невозможно представить вне контекста гигантского влияния китайской цивилизации, китайской культуры, китайской государственности. В Цинской империи, куда в свое время вошла большая его часть, монгольские территории обладали особым статусом, дававшим возможность автономной внутренней жизни и защищавшим от интенсивных миграций из «застенного Китая».

Крушение империи стало той точкой отсчета, от которой развитие монгольского мира Внутренней и Внешней Монголии пошло расходящимися путями. Внутренняя Монголия является неотъемлемой частью китайского политического, социального и культурного пространства. Она пережила вместе с остальным Китаем все катаклизмы XX в., а сейчас активно включилась в общеазиатские процессы модернизации и нациестроительства. Внешняя Монголия обрела политический суверенитет в XX в. – и этот нелегкий, растянутый во времени процесс также был во многом производным от взаимоотношений с Китаем. Обретение независимой государственности населением Внешней Монголии стало толчком к формированию нации-государства. В огромной степени и обретение государственности, и возможность ее международного признания была следствием политики России/СССР. Под прямым воздействием и контролем СССР проводился в жизнь монгольский вариант социалистической модели модернизации – «прыжок из феодализма в социализм». И хотя эта модель отброшена, а отношения с Россией трансформировались из вассально-союзнических в добрососедские, процесс формирования нации-государства продолжается еще интенсивнее.

Российская часть монгольского мира, отделенная от Китая государственной границей, также постоянно испытывала и продолжает испытывать его мощное воздействие. В разные периоды истории межгосударственных отношений это принимало разные формы и, более того, имело различные векторы. Но Китай всегда прямо или косвенно оказывал мощное воздействие на приграничные территории России.

Для монгольского мира, чья экономика и уклад жизни определялись кочевым скотоводством, постоянные миграции были нормой. Однако в XX в. формируется совершенно новая миграционная ситуация, вызванная, с одной стороны, новым качеством режима границ, их «отвердением» и слабой проницаемостью. Границы утрачивают свой прежде полусимволический характер и становятся реальным ограничителем миграционных процессов.

Кроме того, на рубеже XX–XXI вв. огромную роль во взаимоотношениях монгольского мира и Китая стали играть стремительно растущие потоки внутренних и трансграничных миграций. Китайские мигранты – важнейший фактор, воздействующий практически на все стороны и тенденции развития этого мира. Естественно, что в различных его частях эта проблема имеет различные формы и играет неодинаковую роль.

В современном Китае представители монгольязычных народов, несомненно, интегрируются в общекитайское пространство, причем не только во властно-политическом, но и в социальном и культурном измерениях. При этом проводимая национальная политика, предусматривающая существование автономных национальных районов, препятствует перерастанию этой глубокой интеграции в ассимиляцию [7; 8]. Это не ограничивает приток ханьских переселенцев, динамично изменяющих облик традиционно монгольских по населению и культуре регионов. Для Внутренней Монголии КНР – это часть сложнейшей проблемы внутренних миграций, меняющих демографическую картину региона, его этнический состав, уклад жизни.

Это сравнительно новая проблема, так как в Цинском Китае монгольские регионы имели особый юридический статус, частью которого был почти полный запрет на постоянную миграцию сюда ханьцев из «застенного» Китая. Сейчас это проблема модернизации, перераспределения ресурсов и неизбежного в этих условиях социального напряжения. Автономный район Внутренняя Монголия стремительно развивается экономически. Его ВВП вырос по сравнению с 1947 г. в 130 раз, с дореформенным 1978 г. – в 13 раз [1, с. 14]. Бурно развивается промышленность, сельское хозяйство, торговля, городская инфраструктура.

Под воздействием этих процессов происходят глубокие внутренние трансформации монгольского населения региона, тем более что оно обладает особым статусом в соответствии с государственной национальной политикой. Как отмечают Б. В. Базаров и В. Б. Базаров, «усиление миграционных процессов, связанных с экономическим подъемом, может существенно повлиять на размывание экономических границ... Данные последней переписи населения в Китае наводят на размышления. В 1989 г. при населении Внутренней Монголии в 26 млн человек, монголами себя заявляли 4,2 млн человек, в 2000 г. при населении 32 млн – 2,1 млн. Только дополнительный пересчет позволил выйти на прежнюю отметку 1989 г., и официальная цифра осталась прежней, правда, без необходимой динамики» [1, с. 17]. Но это отдельная большая проблема, к способам и результатам решения которой очень внимательно присматриваются в других частях монгольского мира [9; 15, р. 92; 16, р. 174; 18, р. 64].

Очень важно оценить роль китайских мигрантов и отношение к ним в той части монгольского мира, которая обладает собственной государственностью – в Монголии. На протяжении эпохи независимого развития здесь интенсивно протекают процессы нациестроительства, формирования нацигосударства. Критически важной для этого процесса является «образ чужого», иногда «образ врага» как консолидирующий нацию инструмент.

И здесь чрезвычайно важен исторический и геополитический контекст – три века в составе Цинской империи, борьба за независимое государство, за его международное признание при противодействии различных китайских властей. Историческая и не очень добрая память о китайских купцах, игравших огромную роль в реализации функций торгового обмена и ростовщичества [3, с. 479–484; 12, с. 209–213]. Геополитическая «зажатость» между двумя гигантами – Китаем и СССР/Россией. Эпоха противостояния с КНР в составе советского блока, частью которой стала интенсивная антикитайская пропаганда и выдавливание из Монголии живших там китайцев. Все это сформировало прочные антикитайские настроения у населения страны [14].

Эпоха демократического и нейтрального развития привела к активизации политических и экономических связей с Китаем. Растущий экономический гигант втягивает в свою орбиту природные ресурсы Монголии, становится огромным фактором ее экономического развития. К 2011 г., по данным Банка Монголии, на Китай приходилось 56 % внешней торговли Монголии [17, р. 231]. В стране работает 1100 китайских компаний [11, с. 211].

Естественное и необходимое привлечение ресурсов для экономического развития из такой экономической сверхдержавы, как Китай, в сочетании с открытыми границами, сопровождается значительным притоком китайских мигрантов. Они уже сейчас играют заметную роль в городской экономике страны. Официально в Монголии зарегистрировано в 2001 г. – 2307, в 2005 г. – 12 678, в 2009 г. – 13 897 китайских граждан. Однако неофициальные оценки доводят эту цифру до 100 тыс. чел. [10, с. 173–182]. Насколько они ориентированы на постоянное жительство или относительно длительное пребывание там – вопрос открытый и требующий специальных исследований. Однако даже при временности пребывания отдельных мигрантов постоянное существование и значительная роль в жизни страны их сообщества – свершившийся факт [11, с. 210–222].

Не просто привычное присутствие, а мощный и спрессованный по времени приток мигрантов из соседнего политического, экономического и демографического гиганта, их заметная роль в экономике, стиль и манера поведения вызывают очень сложные чувства в принимающем обществе. Сформировался комплекс опасений, страхов и даже фобий. В этом же направлении действуют предубеждения, оставшиеся в исторической памяти, геополитические страхи, осознание сильной экономической зависимости от Китая, типовые антимигрантские стереотипы [17, р. 210–233]. Монгольская исследовательница Н. Галиймаа на основании анализа публикаций монгольских СМИ, посвященных китайским мигрантам, делает вывод: «...негативное отношение монгольского общества к китайским иммигрантам было, остается и долго еще будет оставаться преобладающим. Мнение о китайцах диктуется неприятием их пребывания в Монголии, оценкой внешней политики Китая и исторической памятью о монголо-китайских отношениях» [10, с. 182].

Для переселенческого общества Востока России, органически включившего в себя часть монгольского мира, миграции были и остаются непременным условием его существования и развития. Представители различных ре-

гиональных, сословных, профессиональных групп по собственной воле или принудительно становились сибиряками. С эпохой Модерна растет значение их этнических характеристик и миграционные потоки воспринимаются уже как *этнически* разнородные и разнообразные. Этническое разнообразие происхождения сибирского общества начинает оцениваться как его важнейшая характеристика. Что касается российского сегмента монгольского мира (который можно описать в категориях «этнической Бурятии» и Калмыкии), то наряду с участием в общих для страны миграционных процессах они формируют собственные специфические случаи и модели.

В России отшумели бушевавшие в 1990-е гг. споры – нужны ли здесь китайские мигранты или не нужны. Они уже есть, их присутствие жизненно необходимо, и они останутся вне зависимости от динамики геополитического, внутривосточного и экономического контекста. В научных исследованиях, в массовых настроениях, в массмедиа, в понимании трансграничной миграции чиновниками и политиками сформировалось общее проблемное поле. Его ключевой составляющей является оценка возможностей и рисков, базирующаяся на конфликтном единстве двух подходов – *безопасности и развития*.

Сторонники идеи *развития* считают, что трансграничные мигранты абсолютно необходимы, так как без их растущего притока невозможно поддержание экономики в более или менее рабочем состоянии, тем более невозможен модернизационный прорыв. Поэтому миграционная политика должна строиться на всемерном привлечении мигрантов, их максимальной легализации, комплексных мерах по их социальной, экономической и культурной интеграции в принимающее общество [5, с. 51–77].

Приверженцы *безопасности* видят в мигрантах источник опасности для идентичности принимающего общества, для его этнокультурной однородности и стабильности, причину неизбежных разрушительных этнических конфликтов. Естественное следствие такого понимания – требование максимально ограничить приток новых мигрантов и вытеснить уже имеющихся.

При этом совершены значительные прорывы в научных исследованиях. Нароботан и осмыслен большой объем эмпирического материала, идут оживленные теоретические дискуссии. На удивление быстро освоен запас знаний, представлений и концепций, накопленных мировой наукой. Некоторые итоги подведены в трехтомной хрестоматии по миграции в России [5].

Массовые антимигрантские настроения становятся инструментом идеологической и политической мобилизации и борьбы за власть для довольно широкого спектра политических сил. Мигранты стали важнейшей частью информационного поля. СМИ – это носитель информации («зеркало»), самостоятельный и важный игрок, обладающий собственными интересами в качестве хозяйствующего лица, продающего информационный товар, вступающий в сложные взаимоотношения с властями, обществом, отдельными его группами. СМИ создают образы, предлагают слова для вербализации и оценки проблем и явлений, формируют дискурсы. Очень часто в сознании людей сосуществуют две картины мира – на основе собственного опыта и сформирован-

ной массмедиа. И если они вступают в противоречие, безусловное предпочтение отдается второй.

Место единого принимающего общества с общим набором представлений об угрозах, рисках и выигрышах от новой миграционной ситуации, занимает разнородный конгломерат государственных структур, региональных сообществ и их элит, общественных сил и институций, чьи интересы в этой сфере могут в чем-то совпадать, а в чем-то и радикально расходиться. Механизм согласования этих интересов в лучшем случае только формируется. Не решено, каким будет этот механизм, ибо пока еще не до конца закрыт вопрос о выборе между либеральной, демократической и авторитарной (бюрократической) моделью общественного устройства. Все это предопределяет отсутствие логичной и осознанной миграционной политики федеральной власти, постоянные качели между запретительными и поощрительными мерами.

В российской части монгольского мира, прежде всего в Бурятии, обсуждение проблемы китайской миграции как части глобальных процессов трансграничных миграций протекает в контексте общероссийских дискуссий на эту тему. Имеющиеся исследования показывают, что каких-то принципиальных отличий здесь не наблюдается. Проведенный в середине нулевых годов сравнительный анализ прессы Владивостока, Улан-Удэ, Иркутска и Томска показал, что бурятская пресса не отличалась от прессы других городов Востока России в описании и оценке китайской миграции [6, с. 121–179]. Имеются лишь дополнительные темы, связанные с интересом к шэнэхэнским бурятам, а также с некогда популярной идеей об особой роли Бурятии как «ворот в Азию».

Тестовой для анализа отношения к китайским мигрантам является проблема чайнатауна. Общим стало представление о том, что мигранты из Китая неизбежно должны и будут концентрироваться в отдельных городских районах, сегрегироваться не только социально, но и территориально. Это постоянный сюжет в прессе, в официальных и неофициальных заявлениях чиновников и политиков разного ранга, в представлениях «простых людей». Сюжет становится фундаментом для построения различного рода политических и геополитических конструкций и оценок последствий китайской миграции для принимающего общества. Иногда такие конструкции непосредственно воздействуют на принятие важных политических и управленческих решений.

Символическое значение феномена чайнатауна оказалось так велико, что с началом массовой китайской миграции в Россию именно через эту категорию стал оцениваться сам процесс и его возможные последствия [4, с. 6–16]. Чайнатаун часто предстает как модель и орудие «демографической экспансии», массового мирного проникновения, освоения, а затем отторжения от России ее восточных регионов. Чем дальше от китайско-российской границы, тем более распространены представления о многих миллионах китайских мигрантов, значительная часть из которых уже осела в постоянных китайских поселениях, экстерриториальных, непроницаемых для контроля и управления российских властей. Подчеркивается также, что это результат целенаправленной политики Китая как государства. На деле чайнатаунов в сибирских и дальневосточных городах пока нет. При желании в этом несложно убедиться.

Чайнатауны присутствуют в массовом сознании и идеологической сфере как некая «виртуальная реальность». Их нет – но есть бурно обсуждаемая проблема.

Для нас важно посмотреть, как рассматривается и оценивается эта проблема в Бурятии. Китайские мигранты стали привычной и важной частью городского сообщества [3, с. 267–278]. Отношение к ним развивалось в общем для России русле: от неприятия и отторжения до привыкания и сотрудничества. Чайнатауна, как и во всей России, в Улан-Удэ нет, но сформировались довольно заметные китайские кластеры – прежде всего китайские рынки и гостиницы. Китайскими их делает взгляд и отношение принимающего общества. О них знают все горожане, иногда пишут в газетах или в интернете. Гостиница «Одон», часто называемая центром китайской жизни в Улан-Удэ, стала и объектом исследовательского внимания [13, с. 31–37]. Преобладает спокойное отношение к их существованию и роли в городской жизни. Они существуют как факт и не вызывают негативных или позитивных оценок.

Таким образом, проблема китайских мигрантов так же разнообразна, как и монгольский мир. Но есть и общее – они были и остаются важным фактором существования и развития монгольского мира. Отношение к ним диктуется как гигантским воздействием Китая на все сферы жизни региона, так и самостоятельной ролью китайских мигрантов, которые воспринимаются одновременно и как ресурс, и как угроза. Изначальное разнообразие монгольского мира и расходящиеся траектории развития отдельных его частей определяют и различный характер отношения к мигрантам, разную степень их интенсивности. Кроме того, эти параметры менялись и могут изменяться в будущем в рамках отдельных обществ – в зависимости от динамики их развития. Пока же, несмотря на то что отношения сотрудничества и позитивного взгляда на китайских мигрантов существуют, все-таки преобладают чувства настороженности и опасений.

Список литературы

1. *Базаров Б. В.* Социально-экономическая тектоника Азии и некоторые проблемы взаимодействия в АТР: региональный аспект / Б. В. Базаров, В. Б. Базаров // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. – Новосибирск : Параллель, 2011. – С. 14–17.
2. *Балдано М. Н.* Процесс национального строительства в современной Бурятии: трансграничные вызовы – риски и возможности / М. Н. Балдано // Трансграничные вызовы национальному государству / автор проекта, науч. и лит. ред. С. Панарин. – СПб. : Интерсоцис, 2015. – С. 263–281.
3. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. – Иркутск : Отгис, 2011. – 624 с.
4. *Дятлов В. И.* Россия: в предчувствии чайнатаунов / В. И. Дятлов // Этногр. обозрение. – 2008. – № 4. – С. 6–16.
5. *Зайончковская Ж.* Иммиграция: путь к спасению или троянский конь? / Ж. Зайончковская, Е. Тюрюканова // Миграция в России. 2000–2012 : хрестоматия : в 3 т. / Рос. совет по междунар. делам ; под общ. ред. И. С. Иванова ; отв. ред. Ж. А. Зайончковская. – М. : Спецкнига, 2013. – Т. 1, ч. 1. – С. 51–77.

6. Миграционная ситуация и региональная пресса: газеты современной Азиатской России // Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации : монография / науч. ред. В. И. Дятлов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 121–179.

7. *Москалев А. А.* Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999) / А. А. Москалев. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 222 с.

8. *Мажинский С. В.* Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая (1911–1976 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. В. Мажинский. – Томск, 2014. – 22 с.

9. *Мажинский С. В.* Индустриальное развитие и миграционные процессы в Автономном районе Внутренняя Монголия в годы первой пятилетки (1952–1957 гг.) / С. В. Мажинский // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2014. – № 1 (27). – С. 67–70.

10. *Нямаа Галиймаа.* Китайские мигранты и китаефобия в современной Монголии: анализ периодики [Электронный ресурс] / Нямаа Галиймаа // Диаспоры. – 2011. – № 1. – С. 173–182 // Демоскоп Weekly : Институт демографии НИУ ВШЭ. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0629/analit05.php> (дата обращения: 06.07.2016).

11. *Нямаа Галиймаа.* Трансграничная миграция китайцев в Монголию в представлениях и оценках монгольской молодежи / Нямаа Галиймаа // Трансграничные вызовы национальному государству / авт. проекта, науч. и лит. ред. С. Панарин. – СПб. : Ингерсоцис, 2015. – С. 210–222.

12. *Трофименко С. В.* Китайский купец в Монголии глазами русских предпринимателей и исследователей (вторая половина XIX – начало XX в.) / С. В. Трофименко // Изв. Алтай. гос. ун-та. История. – 2011. – № 4–1 (72). – С. 209–213.

13. *Шармашкеева Н. Ж.* Гостиница «Одон» – центр китайской жизни в Улан-Удэ / Н. Ж. Шармашкеева // Этногр. обозрение. – 2008. – № 4. – С. 31–37.

14. *Bille` F.* Bodies of Excess. Imagining the Chinese in Contemporary Mongolia / F. Bille` : Ph. D. Diss. – Cambridge University, 2010. – 215 p.

15. *Bulag U.* Inner Mongolia: the dialectics of colonization and ethnicity building / U. Bulag // Governing China's multiethnic frontiers / ed. by M. Rossabi. – Washington, 2004. – P. 92.

16. *Bulag U. E.* Collaborative nationalism the politics of friendship on China's Mongolian frontier / U. E. Bulag. – Lanham : MD, 2010. – P. 174.

17. *Delaplace G.* Neighbours and their Ruins: Remembering Foreign Presences in Mongolia // Frontier Encounters. Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border / ed. by F. Bille, G. Delaplace and C. Humphrey. – Cambridge : Open Book Publishers, 2012. – P. 210–233.

18. *Schwarz H. G.* Chinese Migration to North-West China and Inner Mongolia, 1949–1959 / H. G. Schwarz // The China Quarterly. – 1963. – Vol. 16. – P. 64.

Chinese Migrants in the Mongolian World: A Comparative Analysis

M. N. Baldano

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies RAS, Ulan-Ude

V. I. Dyatlov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article presents a comparative analysis of the problem of Chinese migrants in the Mongolian world throughout various historical periods. Constant migrations were a norm for the Mongolian world since its economy was shaped by nomadic cattle-herding. In the 20th century the borders put limits to migrations, yet at the dawn of the 21st century transboundary migrations quickly intensified. In each part of the Mongolian world this problem is manifested in its own form and plays a different role.

Keywords: Chinese migrants, Mongolian world, Chinatown, cross-border migrants, host society, risks, threats, resource.

Балдано Марина Намжиловна

*доктор исторических наук, профессор,
заведующая, отдел истории, этнологии
и социологии*

*Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН*

*670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
тел.: 8(3012)214626*

e-mail: histmar@mail.ru

Baldano Marina Namzhirovna

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Head of the Department of History
Ethnology and Sociology*

*Institute of Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies RAS*

*6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047
tel.: 8(3012)434097*

e-mail: histmar@mail.ru

Дятлов Виктор Иннокентьевич

*доктор исторических наук, профессор,
кафедра мировой истории
и международных отношений,
исторический факультет*

*Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1*

тел.: 8(3952)241974

e-mail: vikdyatlov@yandex.ru

Dyatlov Viktor Innokentievich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of World History and
International Relations, Faculty of History
Irkutsk State University*

*1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)241974*

e-mail: vikdyatlov@yandex.ru